

Евгения
Крюкова:

Не боюсь быть некрасивой

В кинотеатрах появилась «Ведьма» — еще одна киноверсия гоголевского «Вия» с Евгенией Крюковой в роли той самой ведьмы.

Режиссер снял фильм о вере, а продюсеры сделали ужастик

— Сложно было сыграть ведьму?

— Только чисто технически. Приходилось летать, снимали по многу часов подряд, в тяжелых условиях, но как таковая творческая работа сложной для меня не была.

— Фильм планируют показать за границей. Для иностранцев Гоголя адаптировали?

— Не могу сказать, что классика сильно изменили. Канва, ситуация осталась той же, почти...

— А образ вашей героини?

— Режиссер Олег Фесенко хотел вложить больше психологии, чем в результате получилось. Но продюсеры испугались, что психологическую картину никто не будет смотреть. Решили сделать ужастик на потребу публике — и сделали. По-новому перемонтировали, по-своему написали текст. Нас поставили перед фактом и пригласили на озвучание. Режиссер снял фамилию из титров. Я, как и он, считаю, что мы снимали другое — картину о вере.

— Так и у Гоголя было задумано...

— Главный герой помог грешнице, он отпустил ее душу, и она рассыпалась в прах. Когда мы снимали, идея была — спасение души. А у них остался банальный, примитивный финал на уровне фильмов ужасов. Потом еще что-то дорисовывали, причем все это сделали бессмысленно и безвкусно.

— Вы протестовали?

— Я сказала, что не буду озвучивать это, что дописанный текст никак не клеится с той картиной, которую мы снимали. Но сейчас немодно, видимо, считаться с творческим коллективом. Мне посоветовали все-таки приехать на озвучание, сказали, что иначе пригласят другую артистку. Я понимала, что могут сделать хуже, и согласилась. Попыталась озвучить роль в контексте того образа, в котором мы снимали с Фесенко, но все равно получилось так, как задумывали продюсеры.

— А что изменили, расскажите о какой-нибудь детали подробнее...

— Герой знакомится с девушкой, она ему очень нравится. Она молчит и улыбается. «Вы улыбайтесь, вам так идет улыбаться», — говорит он. Потом, когда это уже не девушка, а ведьма, она так же молчит и улыбается. Позже к этому эпизоду дописали текст — типичный для фильмов ужасов. Смысл совсем изменился, хотя материал хороший.

Плюю три раза через левое плечо

— Правда, что вы спрашивали благословения у батюшки, прежде чем сниматься? Все-таки в гроб ложиться пришлось...

— Главное — что ты хочешь сказать и зачем, а уж какими средствами все это сделано, совершенно неважно. В гробу я уже лежала в «Петербургских тайнах» и совсем не боялась. Но вот друзья, родные... Не было человека, который бы меня не спросил: «А тебе не страшно?» В конце концов я поехала в небольшой храм под Москвой к батюшке. Он сказал мне: «Ну, что ты волнуешься? Гоголь — православный писатель, и писал он о вере. Снимайся спокойно, не думай ни о чем». Больше у меня никаких сомнений не было.

— Стало быть, суеверий не боитесь?

Перед тем как лечь в гроб, поехала в небольшой храм под Москвой к батюшке.

— Отрицать что-либо глупо. Но я всегда вспоминаю фразу «Бог — он есть, и он сильнее».

— А как насчет актерских суеверий?

— Когда черная кошка дорогу переходит, я плюю три раза через левое плечо, и когда соль просыпаю, тоже. Ничего не могу с собой сделать. А перед выходом на сцену могу прочитать молитву и перекреститься. Но к суевериям это вряд ли относится.

— Крестились, наверное, в младенчестве?

— Да нет, взрослой уже была, студенткой. Это было вполне осознанно.

— Говорят, после некоторых ролей трудно возвращаться в реальность... У вас были такие?

— Когда человек не душевнобольной, то отходит от своей роли ровно через пять минут. Максимум, что может быть — состояние усталости и опустошенности. Правда, есть у меня безумно тяжелый спектакль — «Трамвай «Желание», когда после него я снимаю парик, у меня абсолютно мокрые волосы. Вот от него отхожу полчаса.

— А как вы отдыхаете?

— Когда чем-то занимаюсь. Люблю что-то дорабатывать, доделывать. У меня куча каких-то прикладных занятий.

Вот сейчас я делаю куклу в подарок подруге на день рождения — уж и день рождения прошел, а я все не могу доделать: у меня нет на это времени. То костюм надо дочке сшить на спектакль, то еще что-то. В этом и заключается мой отдых. Такая вот определенная медитация.

— А сеттеры ваши помогают расслабиться? (Мы беседовали с актрисой у нее дома, в гостиной, и собаки лежали рядом, у ног.)

— Их зовут Кольт и Грей. Помогают. Один у нас более самостоятельный, а другой ходит все время за мной следом. Положит мне морду на ногу, уткнется в коленку и стоит так час.

Практически не даю интервью

— Что для вас важнее: дом или работа?

— Дом. Семья и дочка.

Дуне пять лет, и сейчас мы читаем «Робинзона Крузо». Она ходит в театральную студию, и для нее постоянно приходится создавать какие-то безумные костюмы. Поскольку я отношусь ко всему серьезно, то, если это белка, хвост должен быть с инженерной конструкцией, чтобы все было правильно. Дочка ходит в театральную студию в детском саду.

— Вы, как и дочка, в театре с детства?

— Мои родители — инженеры. Семья отношения к сцене или кино не имела никакого. Кто-то рисует, кто-то ходит на плавание, а я всю жизнь что-то мастерила. На меня произвел неизгладимое впечатление спектакль Образцова «Необыкновенный концерт». До сих пор помню эту Венеру Пуговкину, которая открывала большие глаза и хлопала ресницами. Папа научил меня обращаться с ножом, и я запросто строгала и вырезала, даже Буратино смастерила из дерева. Помню, приходили в магазин и, когда спрашивала игрушку, мама говорила: «Жена, давай лучше дома сами сошьем».

— А когда вы поняли, что будете актрисой?

— Я никогда не хотела быть инженером, мечтала быть художником. Но когда поступила в архитектурный, поняла: это совершенно не то дело, которым я хотела бы заниматься. И ушла, решила поступать на театральное художника в Щукинское, и тут меня прямо на улице пригласили сниматься в кино...

— Эффектная внешность помогает?

— В чем-то да, в чем-то не очень. Не то чтобы я носила эту свою внешность на красной подушечке... Есть и есть — само собой. Я считаю, не в этом заслуга, не в этом причина. Это фактор сопутствующий. Бывает, внешность мешает, ее даже боются.

— Режиссеры боятся?

— Ну да, социальная внешность — она проще. Но я не боюсь быть некрасивой ни в кино, ни в театре.

— И все же вам не может не нравиться, когда ваше лицо на обложке...

— Недавно прочла статью, в которой актриса сказала очень хорошо: «Я не звезда, я актриса». Я больше порадоюсь, если сделаю какую-то работу, которая произведет впечатление, чем своему лицу на обложке. Поэтому, собственно, я практически не даю интервью и на обложках журналов меня мало где можно увидеть.

■ Марина Суранова.

Крюкова
Евгения

Крюкова
Евгения

фотограф Валерий Плотников